

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Г. ГАЛИС	президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария)
Е. М. ГАШКОВА	старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР
В. Ю. ДУНАЕВ	главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор
Т. И. ЕРОХИНА	первый проректор Ярославского государственного театрального института им. Ф. Шибигина, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, Почетный работник сферы образования РФ
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
Е. А. ИЛЬИНСКАЯ	профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии
Л. К. КРУГЛОВА	профессор кафедры философии, психологии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук
И. В. МАЛЫГИНА	заведующая кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор
А. П. МАРКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУП
С. Б. НИКОНОВА	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук
С. С. ПРОНИН	и. о. заведующего кафедрой режиссуры и актерского искусства СПбГУП, профессор, Заслуженный деятель искусств Республики Карелия
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент
А. Н. ЧУМАКОВ	профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор исторических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, от Оргкомитета XXI Международных Лихачевских научных чтений приветствую всех присутствующих и желаю успешной работы. Для обеспечения правильного хода дискуссии напоминаю участникам о нецелесообразности повтора докладов, которые опубликованы на сайте и войдут в сборник, ограничившись упоминанием только центральных их идей. Предлагаю выступающим продолжить дискуссию, начатую на пленарном за-

седании и панельной дискуссии, и высказать собственное мнение по поводу услышанного.

Дорогие коллеги, благодарю вас за то, что вы принимаете участие в Лихачевских чтениях. Считаю, что мы вместе достойно продолжаем дело Дмитрия Сергеевича Лихачева.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Рад встретиться с присутствующими в Научной библиотеке им. Д. А. Гранина

СПбГУП, чтобы обсудить тему, которая вдруг стала острой и приобрела политический смысл. Такие понятия, как «общечеловеческие ценности», «этика», «мораль», которые казались нам привычными, вдруг приобрели скрытую силу, обнаружили некоторую мощь, попав в публичное пространство. Это показало, какое значение имеют этика, мораль, ценности и что это отнюдь не безобидные, поверхностные понятия. В повседневности и при определении ближайших целей их может быть не видно, так же как сила, заложенная в ядре, потом проявляет свою мощь в виде ядерных взрывов бомбы. Точно так же эта сила, спрятанная внутри традиционных ценностей, вдруг выявила, что это не случайные или побочные явления. Поэтому разговор, который сегодня состоится, является очень ответственным.

Предлагаю начать обсуждение Елене Григорьевне Драпеко в силу уважения, которым она пользуется в обществе, и права, которое она заслужила не только своим положением депутата, но и всей биографией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Хочу добавить, что Елена Григорьевна в течение ряда лет являлась профессором нашего Университета. Елена Григорьевна, спасибо, что Вы с нами.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Мне хотелось бы, чтобы наша сегодняшняя встреча была не столько лекционной, сколько дискуссионной, потому что вопросы, которые мы собрались обсуждать, до конца не решены. Сегодня вокруг них ведутся главные бои в информационном пространстве, научном сообществе и политической сфере.

Наше общество — элита (политическая, экономическая и пр.) и российский народ — разобщено и не может договориться. Российское глубинное общество предъявляет права на формирование современной этики, или нравственности, и требует выполнения своей части договора. На этом поле происходит битва за иерархию ценностей.

Среди общечеловеческих ценностей можно назвать безопасность (это самое главное требование для всех), социальную успешность (то, чего мы ждем от жизни), ценности, связанные с семьей, друзьями, и пр. Эти ценности существовали всегда и не связаны с конкретным временем.

Сегодня ведется спор об иерархии ценностей — какие из них являются главными? В 1990-е годы, отправившись в светлое капиталистическое будущее, мы взяли за основу европейские ценности. И самой высшей ценностью, записав это в Конституции РФ, объявили человеческую жизнь и права человека. Человеческая жизнь бесценна, мир внутри человека надо сохранять.

Если мы проанализируем и сравним исконные российские ценности с ценностями европейской цивилизации, в которую мы пытались встроиться, то поймем, что глубинный народ по-разному выстраивает иерархию ценностей. Это тот самый народ, который в трудной для государства ситуации вдруг просыпается и выходит из состояния социальной анемии, проявляя себя

неожиданно активно. Так происходило на протяжении всей нашей истории, достаточно вспомнить народное ополчение под предводительством Минина и Пожарского, Отечественную войну 1812 года или Вторую мировую.

Сегодня глубинный российский народ ведет себя удивительным образом. Как политик, я регулярно совершаю поездки по Российской Федерации и встречаюсь с людьми, а как депутат закреплена за Донецкой Народной Республикой. Неделю каждого месяца я провожу на фронте среди солдат и людей, которые живут в Донецке, Мариуполе, Харцызске, Енакиево, встречаюсь с шахтерами и рабочими разрушенных в Мариуполе заводов. Так, несколько дней назад на Мариупольском металлургическом комбинате им. Ильича я провела встречу с рабочими, которые будут его восстанавливать. Металлургический комбинат «Азовсталь», разрушенный до основания, восстанавливать не будут, но там остались студенты колледжа, которые работали на территории «Азовстали». Напомню, что до недавнего времени Мариуполь подчинялся украинской власти, студенты учились по другим учебникам, у них сформирована другая система ценностей. Поэтому у меня есть возможность сравнить не только в теории, по книгам, но и на практике, чем мы отличаемся и почему мы другие.

В российской системе ценностей есть то, что важнее человеческой жизни. Примерно в одно и то же время в разных странах появились эпосы: русские былины о Микеле Селяниновиче, Илье Муромце со товарищи, «Песнь о Нибелунгах» в Германии, «Песнь о Роланде» во Франции, «Песнь о Сиде» в Испании. Сравнив системы ценностей, которые отражают национальные эпосы, профессор кафедры философии Нижегородского университета Бенедиктов сделал удивительный вывод, что наша система ценностей, или, как мы теперь ее называем, культурный код нации, появилась раньше, чем на нашу землю пришло христианство. Этот код коренится глубоко в веках и не имеет отношения к межплеменным розням, но закрепился на этом пространстве. Время возникновения уже скомпонованного эпоса мы примерно представляем, а вот когда были созданы изначальные сказания, которые слились в единый эпос, неизвестно.

В эпосе народ отразил видение справедливости, свои чаяния и представления о том, что хорошо, а что плохо. Наши богатыри никогда не были наемниками, тема обогащения, вознаграждения за богатырские подвиги отсутствует в русском эпосе. Один из богатырей, Василий Буслаев, вспоминает, что когда-то в молодости было «много бито, много граблено», но позже он раскаялся, и больше об этом нигде не упоминается.

Интересны на эту тему идеи, заложенные в западноевропейском эпосе. И в «Песни о Сиде», и в «Песни о Роланде» герой перед смертью просит показать ему мешок с золотом и драгоценностями, ради которых он отдал жизнь. Представить себе русского богатыря в таком образе невозможно.

Несколько слов о взаимоотношениях героев эпоса с властью. В русском былинном эпосе князь почти всех

русских богатырей посадил в тюрьму. Но когда на Русскую землю напали враги, князь сказал: «Поднимайтесь, богатыри, на защиту Руси». Хотя у князя была дружина, которая и должна была бороться с врагами, эпос говорит, что дружинники способны были только «пити да хлебоясти». Илья Муромец ответил князю: «Ради тебя я бы из подполу не вышел, но за землю Русскую, за сирот обиженных да за вдов пойду и буду воевать с татарами».

Что в аналогичной ситуации происходит с испанским героем Сидом? Когда король освободил его из тюрьмы, куда сам и отправил его за провинности, Сид встал на колени перед королем, целовал ему ноги и благодарил за оказанную честь воевать за короля и отдать за него жизнь. Представить себе Илью Муромца, который падает на колени перед Владимиром, невозможно, как и любого другого русского богатыря.

Почему же в русских былинах князь, несмотря на недостатки, зовется Красно Солнышко и никто из богатырей не посягает на его власть? Это проявление сакрального отношения народа к главе государства, которого народ испокон веков считал большой ценностью, своим защитником и объединителем земли Русской. Он центр земли Русской вместе со своей дружиной.

Следует сказать и об отношении к врагам и поверженным. В «Песни о Сиде», когда Сид захватил Сарагосу, он приказал рушить мечети, жечь синагоги, прелатам насильно крестить магометан, а тех, кто откажется, вешать и жечь. Так в католичество было обращено 100 тыс. магометан. А в русских былинах нет темы насильственного крещения.

И последнее — происхождение русских богатырей. Нигде в былинах не сказано об их племенной принадлежности. Все они — русские богатыри. Главная заслуга крестьянского сына Ильи Муромца — не в том, что он богатырь, а в том, что он крестьянин и пахарь, а Алеша Попович — поповский сын. Русский эпос не делает различий ни для национальности, ни для профессии. Служи Русской земле — и станешь русским богатырем.

Экстраполируя эту историю на сегодняшний день, я хочу сказать, что мы, скорее всего, дождемся, что из недр Русской земли появятся новые русские богатыри. Несколько дней назад в Донецке я встречалась со вдовами, потерявшими своих близких, и инвалидами, которые воюют в Донбассе с 2014 года, с первого дня встав на защиту своей земли. Эти народные массы удержали тогда границы Донецкой Народной Республики. Сегодня они не имеют никаких льгот и выплат, которые положены мобилизованным или военным. Они ни на что и не рассчитывали, когда встали на защиту своей земли. У них нет обиды или сожаления по этому поводу, никто из них не говорил о вознаграждении. Речь шла о справедливости. Я сделаю все возможное, чтобы приравнять их по льготам и выплатам к участникам специальной военной операции.

Еще несколько слов по поводу культурного кода. Сегодня ведется поиск идеологии и предпринимаются попытки дать определение традиционным ценностям. Само понятие «традиционные ценности» уже появилось во всех государственных документах, но нужно

раскрыть их сущность и дать им точное определение. На этом поприще ведутся главные бои. Независимо от того, что будет написано в документах, народ на протяжении сотен лет из поколения в поколение, от прадедов и прабабок несет культурный код и доносит его до сегодняшних поколений. Главным транслятором нашего культурного кода, или традиционных ценностей, является национальная культура в лучших народных проявлениях.

9 июня в Санкт-Петербурге пройдет фестиваль народной песни «Добровидение», который организовали в пику «Евровидению». И когда мы слушаем песни, которые рождаются сегодня как отклик на трагические военные события, мы снова слышим ноты нашего традиционного культурного кода. Россияне отличаются от европейцев иерархией ценностей. Об этой иерархии давайте сегодня и поговорим.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Елена Григорьевна, Вы представили широкую панораму проблем (культурных, исторических, мифологических), в то же время спроецировав их на сегодняшнюю реальность.

Слово предоставляется президенту Международного научно-исследовательского института мира в Женеве Габриэлю Галису.

Г. ГАЛИС: — Я хотел бы рассказать об установлении сотрудничества с Россией, с разными людьми (преподавателями, учеными и пр.). Мое мнение — это мнение критически настроенного западноевропейского исследователя, изучающего проблемы мира. Тезисно выскажу три главные идеи.

Первая идея: западные страны, выбрав стратегию превосходства, а не мира на основе равноправия, следовали стратегии американского превосходства. ЕС и НАТО совместно расширялись на Восток. Фактически произошел очередной разрыв с Европой, и в связи с этим важно думать о будущем. Первый разрыв относится к 1991 году, когда президенту Франции Ф. Миттерану не удалось создать Европейскую конфедерацию в Праге, по соседству с Россией. В 2003 году, во время войны в Персидском заливе, произошел второй разрыв — между осью Франции, Германии, России, выступавших против американского лидерства, и «Новой Европой» (Дональд Рамсфелд), в которую вошли восточноевропейские государства, «взращенные» на старых конфликтах с Россией.

Вторая идея: западные медиа не дают возможности выражать мысли, не соответствующие общепринятой точке зрения. В связи с этим считаю важным напомнить ст. 19 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и их свободное выражение... с помощью любых СМИ и независимо от государственных границ» в связи с запретом российских СМИ на Западе.

Третья идея: необходимы общие законы, правила и принципы. Хотелось бы напомнить о принципе, опирающемся на теорию Х. Маккиндера: если Германия и Россия станут союзниками, может возникнуть мировая империя. Здесь уместно привести цитату французского дипломата, бывшего посла Франции в РФ

Ж. де Глиниasti, отметившего трансформацию оценки ценностей во французской дипломатии: «За словом „ценности“ часто скрывается экспансия идеологических, промышленных, финансовых, коммерческих и военных интересов, которые далеко не всегда совпадают с нашими... В лучшем случае это часть „мягкой силы“, в худшем — дополнение к жесткой». Это серьезный аргумент.

В целом можно сказать, что в настоящее время сложилась довольно непростая ситуация, но надежда сохраняется.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Хотел бы, реагируя на выступление господина Галиса, дополнить его глубокие выводы некоторыми сомнениями. Прежде всего скажу, что я люблю Запад, но Россию, конечно, больше. Я и мои коллеги считаем, что США постепенно теряют свою силу и находятся перед лицом огромной опасности. То, что сейчас происходит (прежде всего отказ всего мира от доллара), несет США огромную угрозу. Россия на 50 % перешла на платежи, не связанные с долларом, Китай — на 30 %, Саудовская Аравия при продаже нефти Китаю переходит на юани. У российских граждан на руках сосредоточено 200 млрд наличных долларов. И в ближайшее время, когда россияне откажутся от долларов, эта денежная масса хлынет в США.

К огромному сожалению, конфронтация и противоречия между Западом и остальной частью мира нарастают. Россия, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР объединились в БРИКС, которая первоначально имела небольшое значение. Сейчас кандидатами на вступление в эту организацию являются 36 стран мира, первая из которых — Саудовская Аравия. Считаю, что нам вместе с западными интеллектуалами необходимо остановить нарастание конфронтации.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору СПбГУП Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Ключевой тезис моего выступления и доклада можно сформулировать так: «„Новая этика“ как проект антропологического суицида». Проанализировав большое количество статей, я попытался дать определение «новой этике».

По мнению Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, «новая этика» — это персонификация морали, отрицание господства всеобщих, универсальных форм, традиций, норм закона и т. д. Но существуют и более жесткие формулировки по сравнению с этим нейтральным описанием. В формате радикальной критики новая этика характеризуется как разрушительная, аморальная демагогия. Концепт новой этики трактуется как вербальная химера, ядро которого формирует неясные англоязычные номинации (харассмент, абьюз, и т. д.).

Вчера в одном из выступлений была сформулирована мысль, что в рамках глобализации ключевой язык — английский, именно он несет ответственность за моральную деградацию мира. Этому выводу соответствует оценка С. Хоружего, что этика нового тысячелетия

(а-этика) — это триумф моральной пустоты, симулякр, имитирующий этику.

Обозначу ключевые характеристики, оправдывающие мой тезис, что «новая этика» — это проект антропологического суицида. Первый признак: это концепция приятя, то есть безоценочное принятие личностных идентичностей. Второй признак: это принцип ненасилия, который превращается в свою противоположность. Этот принцип провоцирует репрессивные стратегии по отношению к тем, кто придерживается иной точки зрения. Даже в США публичное выражение критики в адрес «новой этики» квалифицируется как разновидность внутреннего терроризма или преступление на почве ненависти. Характерный пример: в интервью с министром образования США журналист три раза задал ему вопрос: «Вы видите отличие мужчин от женщин?» Он так и не ответил, потому что понимал: если он ответит, что есть мужчины и женщины, завтра сетевая свора его уничтожит. Еще один пример: автора книги о Гарри Поттере Дж. Роулинг обвинили сначала в трансфобии, потому что она назвала женщин женщинами, а потом и в антисемитизме, посчитав, что жадные и некрасивые гоблины в книгах Роулинг напоминали стереотипный образ иудеев.

Третий признак, который характеризует «новую этику» не в позитивном ключе: ее сверхидея состоит в деформации духовно-нравственных матриц культуры путем инверсии, смены знака.

По сути, активное утверждение принципов «новой этики» превращает мир в подобие психиатрической лечебницы. В частности, в Сети активно обсуждается эпизод, когда осужденный преступник, который идентифицировал себя как женщину, был перемещен в женскую колонию и получил там возможность для сексуального насилия.

Репертуар этого безумия с каждым годом расширяется. Идеологи «новой этики» открыто заявляют о своих намерениях «осуществить декриминализацию инцеста и педофилии и депатологизацию зоофилии». То есть весь спектр предельных крайних человеческих девиаций превращается в норму. Гендерный волонтаризм, ставший доминирующей парадигмой даже в западных университетах, превращает сторонников здравого смысла (как педагогов, так и студентов) в изгоев, вынужденных покидать учебные заведения.

Ключевой тезис: проект «новой этики» — это одна из важнейших частей стратегии антропологического суицида, в другой формулировке: сценарий рукотворного апокалипсиса, как духовного, так и физического. В духовном плане тоталитаризм «новой этики», исключая другие точки зрения, порождает хаос, который дискредитирует нравственные каноны и убивает суть культуры. Напомню блестящее определение культуры П. А. Флоренского, что культура — это борьба логоса и хаоса. Набирающая обороты диктатура «новой этики» — это завершающая фаза этической деградации эпохи постмодерна. То есть проект «новой этики» обеспечивает культурную и правовую легитимность спектру человеческих девиаций.

Вчера на пленарном заседании прозвучали два тезиса, которые подтверждают этот вывод. Мария Влади-

мировна Захарова уточнила ключевую проблему времени: мы наблюдаем не конфликт культур, а конфликт культуры и антикультуры. «Новая этика» — в метафорической форме этика дьявола. Папа Римский в лице Великого инквизитора упрекает Христа, что тот не послушал дьявола, который предлагал три искушения, чтобы народ пошел за ним, — показана метафорическая бездна между католичеством и православием.

Михаил Викторович Шмаков высказал интересную мысль, что духовная пропасть между русским и западным мирами, русской и западной культурами состоит в трактовке человека. В дополнение можно сказать, что в русском варианте человек — это чело, обращенное к вечности, а в западном — это существо, которое стоит на четвереньках и озабочено физиологическими отправлениями. То есть «новая этика» — это проект оскотинивания человека, возвращения его в докультурное состояние. И протестующие против этого оскотинивания подвергаются беспощадной массовой травле.

По сути, «новая этика» — это часть стратегии антропологического суицида. Признаки духовного апокалипсиса — хаос, моральное уродство, перспектива физического вырождения мира, потому что представители ЛГБТ-сообщества не оставляют после себя детей и внуков. Таков финал.

Рациональный анализ того, что происходит в мире, приводит к пессимистическому сценарию будущего. Осуществляется так называемая управляемая эволюция, смысл которой состоит в том, чтобы четыре пятых человечества ушли из этого мира, потому что в новом мире цифровой экономики и искусственного интеллекта эти люди не нужны. Поэтому и происходит разрушение института семьи.

По поводу традиционных ценностей хотел бы дополнить выступление Елены Григорьевны. В контексте семинара, проведенного в рамках курса культурологии, на котором мы говорили о дисфункции институтов, я задал студентам вопрос: «С какой ценностью вы отождествляете семью?» Одна девушка ответила: «Это решение демографической ситуации». Вторая: «Избавление от одиночества». Но ни одна не сказала, что семья — это счастье, когда ты становишься частью чего-то большего.

Но, несмотря на пессимистический сценарий, шанс сохранения духовного вектора цивилизации, выстраданного тысячелетиями истории, остается. Надежду внушает неискоренимая человеческая потребность в смысле жизни. К. Ясперс, предвидя появление нового «осевого времени», говорил о том, что в кризисных ситуациях человек обнаруживает в себе невиданные ресурсы. А мы уже стоим на краю.

Несколько слов о миссии гуманитарного знания. В этом зале более 20 лет назад состоялась встреча с великим философом Александром Зиновьевым, который критиковал реалии того времени. Один журналист в формате вопроса-упрека спросил у него: «Почему Вы так жестко все критикуете?» Ответ Зиновьева коррелирует с миссией Лихачевских чтений: «Представьте, что идут слепые, ведомые слепым поводырем. Впереди пропасть. Я нахожусь далеко от них. И чтобы

они не провалились в нее, я могу только крикнуть». Это миссия Лихачевских чтений и вообще всех гуманитариев. В тексты, которые мы пишем, заложено не только рациональное начало, но и наша боль, вера, надежда, любовь. В Новом Завете есть красивая формула, соответствующая моменту: «По вере вашей да будет вам».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В свое время марксизм жестко критиковал идеализм, не оставляя от него камня на камне. После критики ставился вопрос о гносеологических корнях идеализма, то есть о реальных проблемах, которые в идеализме получают неправильное выражение.

Александр Петрович, хочу задать такой же вопрос: Вы говорите, что не примете реальность (и я с Вами полностью согласен), но какая реальная проблема получается в «новой этике» искаженное выражение? Вы прекрасно сформулировали, что «новая этика» — это форма антропологического суицида, что суицид этот рукотворный и есть силы, которые его стимулируют, и что все это нужно для того, чтобы сократить численность человечества.

Должен сказать, что человечество имеет более эффективный способ решения данной проблемы. Поэтому возникают вопросы. Первый вопрос: с чего вдруг антропос решил подвергнуть себя суициду? Второй: каков образ идеального антропоса?

Вы знаете, для чего нужна семья, а ваши студентки думают иначе. Пятьдесят лет назад разводы считались серьезным недостатком, разведенного человека не брали на работу в ЦК партии и пр. А сейчас найти неразведенных крайне сложно. И люди смирились с этим, но суицид не совершили.

Наша способность критического размышления не должна блокироваться личным неприятием. Все, что Вы говорите, я, будучи просто человеком, полностью разделяю. Но, как человек мыслящий, я должен найти ответ, который не дискредитирует людей и сохраняет за ними право быть людьми.

Слово профессору Владимиру Юрьевичу Дунаеву.

В. Ю. ДУНАЕВ: — Вчера на пленарном заседании А. С. Запесоцкий заметил, что использование понятия «цивилизация» грозит обернуться бесплодностью теоретической дискуссии в силу того, что оно стало предметом произвольных интерпретаций. М. В. Захарова на панельной дискуссии поддержала эту тему, сказав, что понятие «демократия» в современном политическом дискурсе утратило свой изначальный смысл. Такого рода семантические смещения являются следствием не только и не столько теоретической сложности и многозначности этих понятий, сколько целенаправленного применения технологий лингвокогнитивного фреймирования смысловой картины мира.

Одной из наиболее эффективных технологий реформатирования смысла этико-политических понятий, создающих семантическое поле и аксиологию новой этики, является «окно Овертона». Принцип его действия можно продемонстрировать на примере эволюции национализма от одиозной идеологии и этически неприемлемой структуры ментальности до «новой

нормальности» общественно-политического дискурса и праксиса.

Если придерживаться традиционного для русскоязычного социогуманитарного дискурса словоупотребления, то следует признать, что национализм в любом его виде и форме несовместим ни с демократизацией общества и государства, ни с утверждением в качестве приоритетных ценностей прав и свобод человека, ни с духовно-нравственным здоровьем нации и индивида. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова приводятся следующие значения слова «национализм»: 1) «идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим»; 2) «проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости». Нормам пейоративной окраски этого термина следуют научные монографии и учебники, издававшиеся в советское, перестроечное и даже в постперестроечное время.

Сегодня с понятием национализма связывают процессы самоопределения народов, образования ими собственных государств, легитимации политических режимов, возрождения традиционных культур и защиты их ценностей и т. п. Чтобы обрести такую солидную репутацию, понятие национализма должно было пройти через ряд стадий, предписанных культурно-эрозионной стратегией «окна Овертона».

В доктринальной сфере первым шагом к легитимации националистического дискурса является перевод однозначно негативного понятия национализма в пары его ценностно амбивалентных разновидностей или типов. С. Хантингтон отмечает: «Исследователи, как правило, выделяют два типа национализма и национальной идентичности, причем дают им различные названия: гражданский и этнический, или политический и культурный, или революционный и трайбалистский, или либеральный и органически-мистический, или гражданско-территориальный и этнико-генеалогический, — или просто патриотизм и национализм. В каждой паре первый ее член рассматривается как „хороший“, а второй — как „плохой“».

Вторым шагом является создание кластера эвфемизмов и перевод их в предмет серьезного, академического обсуждения. Национальное и националистическое при этом незаметно уравниваются в своем смысловом содержании. На этом пути в академическую дискуссию вместо традиционного монохромного понятия национализма вовлекаются «50 оттенков серого». Наряду с общепринятым в науке разделением национализма на гражданский и этнический вводятся новые его формы и разновидности: национализм сепаратистский, реформаторский, ирредентистский, лингвистический, паритетный, экономический, защитный, модернизационный и т. д. Наконец, среди всевозможных национализмов возникает такой понятийный кентавр, или, точнее, понятие-химера, как либеральный национализм. Под стать либеральному национализму и понятие толерантного фашизма, использованное У. Эко. Возникновение таких понятий-химер симптоматично и выражает самую суть стратегии на инверсию смыслов и ценностей дискурса национализма.

В англоязычной литературе понятие «национализм» употребляется в ценностно нейтральном смысле. Однако до сих пор в научных работах и в публицистике отечественных авторов преобладающим остается все же традиционное, ценностно негативно нагруженное употребление терминов «национализм», «националистическая психология и идеология» и тому подобных как аналитических категорий и категорий политической практики. Поэтому нужен переход к следующей стадии реализации технологии «окна Овертона» — наделению понятия «национализм» однозначно позитивным смыслом.

Казахстанский политолог Р. Жумалы утверждает, что негативный оттенок понятия «национализм» — рудимент советской промывки мозгов, от которого необходимо избавиться, поскольку национализм в качестве понятия тождествен государственности и патриотизму. Результатом целенаправленных усилий ряда представителей научно-экспертного сообщества и средств массовой информации стало закрепление в общественном сознании и словоупотреблении, в том числе политиками, этой подмены значения термина «национализм».

Завершающей технологической фазой работы «окна Овертона» является снятие запрета на соединение дискурсивных практик теоретической легитимации национализма с ультраправыми идеологиями. В этом акте национализм обретает наиболее радикальную политико-идеологическую форму национальной идентичности — нацизма, неонацизма, криптонацизма и т. д. Тем самым нацизм — это не столько эксцесс, сколько непристойная изнанка и вместе с тем суть национализма, его имманентная интенция, логически закономерный итог политически безответственного и морально предосудительного процесса политизации и идеологизации национальной идентичности.

Дискурс национализма разворачивается в типично постмодернистском семантическом пространстве, наполненном разного рода концептуальными трансформациями, аксиологическими инверсиями, семантическими перекодировками. Название своей статьи «Национализм — ускользящий объект» В. С. Малахов объясняет следующим обстоятельством: национализм «растворен в публичном дискурсе до такой степени, что вообще перестает восприниматься большинством как национализм. Это система молчаливых допущений, мыслительных привычек и рутинно циркулирующих нарративов». Но именно к этой цели и были направлены технологии фреймирования националистического дискурса, обеспечившие националистической политике самую эффективную из всех возможных маскировку — быть у всех на виду и в то же время оставаться никем не узнаваемой.

В заключение я позволю себе вольность двинуться поперек дискурсивного мейнстрима, сформировавшегося на нынешних Чтениях. Вчера на панельной дискуссии на тему «Какую многополярность мы предвидим» все ее участники сошлись во мнении о том, что, во-первых, многополярность является единственной конструктивной альтернативной однополярному миру. Во-вторых, что центры многополярного мира — страны, культуры, цивилизации — должны быть полити-

чески суверенными и самодостаточными в хозяйственно-экономическом, культурном, духовно-нравственном отношении. Но культура, как утверждал М. М. Бахтин, не имеет своей суверенной территории: она вся расположена на своих границах. Самодостаточность — будь то индивида, страны, культуры или цивилизации — неизбежно, фатально перетекает в их «самоутвержденчество», «своемерие», «своецентризм». В контексте наших рассуждений следует признать, что самодостаточность полюсов как принцип реальной многополярности оборачивается формированием системы своего рода плюрализма национализмов. Идеология многополярности инфицирована вирусом национализма или, выражаясь менее категорично, не выработала иммунитета к нему, что грозит обернуться воспроизведением на глобальном геополитическом уровне гоббсовского принципа войны всех против всех.

Разумеется, тем самым я отнюдь не призываю к дискурсивной диффамации концепта, или, скорее, тропа, метафоры, фрейма многополярности. Я хочу лишь сказать, что в рассуждениях о том, какую многополярность мы предвидим и к какой следует стремиться, необходимо создать эффективную преграду переключению семантики этого фрейма в лежащую у всех на виду и в то же время никем не распознаваемую националистическую модальность.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Я попытаюсь с философских позиций рассуждать о тех проблемах, которые относятся, скорее, к другим областям знания, например к культурологии. Любая наука, как правило, стремится найти ответы на возникшие вопросы, но философия отличается тем, что у нас вопрос может играть большую роль, чем ответ.

Меня немного удивило, что, во-первых, на пленарном заседании только одно выступление было посвящено философии, а во-вторых, очень мало говорили о глобальных проблемах и глобальном мире, а когда эта тема все же звучала, глобализация рассматривалась в основном в негативном ключе.

Сегодня мы больше не можем пользоваться тем научным инструментарием, который использовали несколько десятилетий назад. Термин «культура», появившийся еще в Древнем Риме, и термин «цивилизация», возникший в Новое время, по-прежнему будут работать как инструменты научного анализа, но их смысловое наполнение в значительной степени изменилось.

Понятия науки и философии тесно взаимосвязаны, но в настоящее время мы не относим философию к собственно научному знанию. В советские времена, к сожалению, этому различию практически не придавали значения, считая философию одной из наук. Но если мы будем продолжать мыслить так же, то не сможем осознать важные вещи.

Наука, зародившаяся в лоне философии и пребывавшая там до Нового времени, и техническая мысль долгое время не взаимообуславливали друг друга. Но

если и в более позднее время рассматривать науку и технику как непересекающиеся области, мы не сможем понять не только научные и технические достижения XVIII–XIX веков, но и современную информационно-технологическую революцию.

Закономерным образом появляется новый термин «научно-технический прогресс», означающий симбиоз науки и техники. Они связаны неразрывно: уберечь науку — и будут невозможны никакие изобретения; уберечь технику — и не будет не только телескопов и микроскопов, но и наука по существу исчезнет. Понятие научно-технического прогресса открывает нам новые возможности для осмысления достижений науки, техники и технологий.

А как соотносятся культура и цивилизация? Французская философская мысль дополнила античный термин «культура» новым термином «цивилизация». *Civilis* означает «гражданский», «правовой», «общественный». Это по сути тоже культура, но в более узком смысле: культура отношений, взаимодействия, взаимопонимания.

И вот сегодня возникла необходимость в новом термине, который мы должны ввести, чтобы обозначать происходящие процессы. Нам придется использовать уже не только культурный контекст рассмотрения общественных систем и противоречий, и не только цивилизационный, с которым еще меньше ясности. На мой взгляд, наиболее адекватным в данном случае будет понятие «культурно-цивилизационная система», подразумевающее, что культура и цивилизация — это две грани одного и того же. Страна, город, университет — культурно-цивилизационные системы, как и все человечество, как и каждый из нас.

Таким образом, нам будет проще понять, почему надежды на мультикультурализм не сбываются и чем обусловлена «дуга нестабильности», то есть волна «цветных революций», прокатившаяся по Северной Африке, Ближнему Востоку, Грузии и Украине и теперь подбирающаяся к Прибалтике. Корни этих проблем — прежде всего в объективно заданных культурных противоречиях, обусловленных разными языками, традициями, верованиями и т. п. Культура всегда обособляет нас, в то время как цивилизация, точнее цивилизованность, напротив, объединяет, давая возможность общения, сотрудничества и взаимопонимания. «Право размахивать кулаком заканчивается там, где начинается нос соседа», «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать» — такие максимы высказывали разные мыслители. Это и есть цивилизационная составляющая, которая вместе с культурной делает каждое общество уникальным явлением, одновременно показывая, где проходит красная линия, которую нельзя пересекать. Уровень цивилизованности общества определяет его потенциал в нахождении способов разрешения конфликтов всех уровней, от межличностных до межгосударственных. Рай на земле мы, конечно, не построим, но по крайней мере сможем отойти от той пропасти, к которой мы вплотную приблизились. Поверьте, я знаю, о чем говорю: в свое время мне довелось принимать участие в ядерных испытаниях в Семипалатинске и на Новой Зем-

ле. Мы действительно стоим на краю пропасти, и все наши беседы и дискуссии могут уже завтра утратить всякий смысл.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На мой взгляд, тезисы Александра Николаевича заслуживают самого пристального внимания. Является ли глобализация объективным процессом? Можем ли мы помыслить будущее человечества без глобализации, без осознания того, что планета Земля — наш общий дом? И что поэтому жизнь людей в одной стране должна быть соотнесенной с жизнью в других? Возьмем войны — это же форма взаимодействия, то есть соединения, хотя и очень страшная. Может, лучше признать разнообразие культур и нравов? Возможно, новая этика предложит способы их взаимного совмещения и адаптации, чтобы устранить те препятствия, которые различие нравов возводит на пути прогресса. Или не предложит?

Е. Г. ДРАПЕКО: — Все рассуждают о цивилизации как о некой техногенной системе, но люди — это в первую очередь биологический вид. А в живой природе главная цель любого вида — передача своих генов и расширение популяции. Так вот, сегодня мир машин столкнулся с интересами людей как биологических субъектов. Птица, защищая птенцов, заслоняет их своим телом. То же происходит и с нами. И потому конечная цель защиты наших традиционных ценностей — сохранение человека в том виде, в каком он был создан природой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Вопрос в том, как род представлен в индивиде. Почему один живой человек может третировать другого, если он, скажем, принадлежит к ЛГБТ-сообществу?

Е. Г. ДРАПЕКО: — Все зависит от иерархии ценностей. Что важнее — существование вида или индивида?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — А кто задаст эту иерархию? Мы занимаемся выработкой такой иерархии всю нашу историю. В Советском Союзе была одна иерархия, потом мы от нее отказались, начали создавать другую. Поэтому вопрос не в том, что мы отрицаем. Конечно, люди — социальные существа, но каждый человек обладает собственным разумом, и ему важно понять, как реализуется его социальность. В стране действуют институты — парламент, армия и т. д. Но есть еще и, например, мораль — в чем заключается ее роль?

Е. Г. ДРАПЕКО: — Может, коллеги нас рассудят?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Давайте послушаем коллег. Профессор Лариса Константиновна Круглова, пожалуйста.

Л. К. КРУГЛОВА: — Я считаю, что патриотизм и общечеловеческие ценности не вступают в противоречие, а дополняют друг друга. В докладах, представленных участниками нашей секции, убедительно показана разрушительная роль новой этики, которая

угрожает не только человеку, но и всей планете Земля. Предотвратить катастрофу можно, на мой взгляд, если в противовес разрушительной тенденции предложить созидательную стратегию. Элементы такой стратегии представила Елена Григорьевна.

Философская подоплека новой этики заключается в гипертрофии принципа разнообразия и абсолютного исключения принципа единства. Русская же философская мысль предусматривает единство разнообразия, потому что именно это и есть гармония. Не равновесность, не одинаковость элементов, а, как говорил Николай Леонтьев, временами жестокая борьба противоположных начал, которые тем не менее находятся в сущностном единстве между собой. Такое единство в разнообразии отсутствует в новой этике, но к чему это приводит? К без-образию, потому что исчезает образ, всегда подразумевающий нечто целостное. Русский язык это отлично фиксирует: «без образа = безобразия». Гармонизация разнообразных элементов, поощрение разнообразия и в то же время поиск единства между ними, гармонизирующего это разнообразие, — это и есть та созидательная линия, которой, мне кажется, надо придерживаться.

Вообще гармония — это понятие мировой философии. Сейчас Китай выводит ее на глобальный уровень, отстаивая идею единства с миром при сохранении самобытности своей нации. В журнале «Вопросы философии» опубликована статья, где китайский автор в качестве главной доктрины своей страны провозглашает Сообщество единой судьбы человечества и в то же время подчеркивает значение гармонии для понимания этого сложного образования.

На мой взгляд, Елена Григорьевна, Вы смотрите в корень, когда говорите о различии ценностей (впрочем, я считаю, в конце концов они сойдутся), переходя опять же к образу — образу человека, тому, что лежит в основе любой культуры, то есть смыслового центра всей системы ценностей. Это и дает различение. Вы совершенно обоснованно обращаетесь к эпосу: именно в нем содержится тот самый глубинный код, который мы ищем. Возьмем хотя бы традиционный образ трех богатырей. Они разные, но все трое — богатыри, и в этом их единство.

Повторяю, в основе каждой культуры лежит образ человека, и ее своеобразие определяется тем, какие черты отличают этого человека. От этого зависит все остальное, в том числе отношение к миру.

Александр Николаевич в своем докладе обратил внимание на двойственную природу человека — биологическую и социальную, то есть человек — это биологический субъект и в то же время член общества, творец и творение культуры. Но наша загадочная двойственность проявляется не только в этом. Это то, о чем мы говорили, — единство телесного и духовного, или материального и духовного. И человек — единственное существо в мире, в котором соединены эти два начала. Ни одно существо в мире, кроме человека, не может пожертвовать жизнью во имя идеи. Это великая ипостась человека.

В разных культурах на разных этапах развития складывается разное отношение к этой двойствен-

ности, которую можно представить формулой «тело и дух». В свою очередь дух — это органичное соединение ума и сердца. В русской философии есть понятие «умное сердце». Кстати, Андрей Вознесенский в противоположность Декарту, который говорил: «Я мыслю, следовательно, я существую», написал: «Чувствую — стало быть, существую». Это его эпитафия к сборнику стихов «Соблазн». Но, вероятно, наиболее верно было бы сказать: «Я мыслю и чувствую, следовательно, я существую», потому что чувство и мысль для нашего существования равноценны и необходимы.

Другая двойственность проявляется в том, что человек одновременно субъект и объект. Субъектность — наше сущностное свойство, то есть мы принимаем решения, совершаем поступки, несем ответственность. В то же время человек подчиняется правилам, созданным другими, и свою субъектность, творческое начало он должен согласовывать с этими правилами, поэтому он существо творимое. Проявление двойственности индивидуально и универсально. Индивидуум неповторим и уникален, но он принадлежит к человеческому роду. Это основа единства, из которой следует необходимость глобализации с человеческим лицом. Все мы живем на одной планете, это наш общий дом. И все мы люди. В связи с этим существенным является также соотношение эгоизма и коллективизма, личного и общественного (в русском языке есть высокое слово «соборность»).

И последний тезис. Те традиционные ценности, которые мы сегодня отстаиваем, могут стать общечеловеческими и взять верх над разрушительными тенденциями. Я не являюсь сторонницей пессимистического сценария развития, но чтобы он не реализовался, мы должны предлагать идеи и всеми силами стараться их реализовывать, вести других за собой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Очень важный тезис: необходимо не только разнообразие, на котором акцентирует внимание новая этика, но и единство, общая основа. Сторонники новой этики, по-моему, должны дать на него ответ, если они не согласны со скрытым в ней принципом разрушения.

Слово предоставляется профессору Татьяне Иосифовне Ерохиной.

Т. И. ЕРОХИНА: — В нашей сегодняшней дискуссии я, безусловно, поддерживаю позицию Елены Григорьевны и отчасти Александра Петровича.

Думаю, что мы не должны тотально отвергать дохристианскую культуру, потому что в России по-прежнему в значительной степени востребован именно дохристианский культурный код. Мы должны помнить о том синкретизме, который когда-то был на Руси и сегодня проявляется в фольклоре и традициях, например в отмечании Масленицы или Красной горки.

Что касается выступления Елены Григорьевны, то я согласна с тем, что она говорит о новой этике и выстраивании системы ценностей. Из 22 докладов участников нашей секции, которые размещены на сайте, пять напрямую посвящены культуре отмены. Действительно, в этом году данная тема особенно актуальна.

Если в прошлом году мы больше писали об осмыслении традиционных ценностей и анализировали новую этику, то сегодня на первый план вышла культура отмены. Тематика наших докладов — своего рода индикатор, свидетельствующий о росте научного интереса к данной проблеме. Эта динамика, на мой взгляд, обусловлена целым рядом факторов, а не только социокультурными и геополитическими изменениями. В конце концов, и новая этика, и культура отмены не стали новыми феноменами последнего года, хотя связанные с ними проблемы обострились именно сейчас. По-моему, одним из главных факторов стали те проблемы, которые обсуждались на пленарном заседании, — слом однополярного мира и переход к многополярности, болезненно отзывающиеся во всех сферах жизни, в том числе духовно-нравственной и этической. И в этой смене координат, которая неизбежна и необходима для дальнейшего существования цивилизации, культура отмены — это в первую очередь механизм защиты новой этики, неразрывно связанный с понятиями «постпамять» и «контрпамять».

Позиция Абдусалама Абдулкеримовича тоже понятна, хотя и несколько противоречива. Конечно, будучи мыслящими людьми, мы не пойдем с оружием на тех, кто поддерживает «новую этику». Но, по-моему, Александр Петрович говорил немного о другом. Я, как культуролог и рефлексирующий человек, тоже могу попытаться оправдать тех, кто говорит о «новой этике» в тех категориях, которые заданы. Но я не стану выступать в ее защиту и своим студентам буду объяснять, что толерантность необходима, но она не должна влиять на иерархию их ценностей. Ведь речь идет действительно о выборе, который мы должны совершить. То есть, признавая право других на собственную позицию, мы должны твердо придерживаться своей.

В эпоху тотальной цифровизации и беспрецедентного развития систем массовой коммуникации противостоять культуре отмены как механизму новой этики практически невозможно. К тому же культура отмены имеет глубокие исторические корни, вспомним хотя бы Античность с традициями остракизма. Более того, я считаю, что с культурой отмены как таковой не надо бороться. Массовая культура и стереотипизация появились вполне закономерным образом и стали элементами культурной идентичности. Но, на мой взгляд, главная задача сейчас — выработать стратегию противостояния культуре отмены, которая должна быть органична нашей ментальности и самосознанию.

В Указе Президента России от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» также предпринимается попытка выработать механизм противостояния культуре отмены и «новой этике». Этот инструмент должен опираться на русскую культуру и при этом представлять собой тактику быстрого реагирования, поскольку решение проблем требует оперативных действий.

На пленарном заседании неоднократно звучали высказывания по поводу изменений содержания некоторых терминов, при этом говорили об антикультуре, но

я, как культуролог, понимаю: то, что мы подразумеваем под антикультурой и контркультурой, на самом деле тоже культура. Как и культура отмены. Но что по-настоящему важно — так это вернуться к понятию ценностей и осознанию сути такого феномена, как система ценностей. Не каждое явление культуры можно считать ценностью. Понятно, что невозможно навесить ярлык абсолютно на все, но должно быть понимание, что есть преходящие явления культуры, а есть такие, которые заслуживают называться ценностями. И, конечно, надо вернуться к понятию традиции. Нельзя отрицать новации — без них невозможно развитие культуры, но традиция должна быть основой преемственности, сохранения культурной памяти.

Осенью 2022 года в Интернете появился ролик о семье, которая решила эмигрировать из России в Америку и уже в самолете столкнулась с проявлениями «новой этики». Афроамериканца надо пропустить в туалет вне очереди, в присутствии вегетарианцев нельзя есть мясо, вид детей раздражает чайлдфри и т. д. Это производит на россиян столь удручающее впечатление, что они надевают спасательные жилеты и прыгают в океан. При всей иронии и эпатажном сюжете этого ролика в нем есть определенный смысл: это и есть противопоставление систем ценностей.

Тем не менее мы можем считать, что отмена культуры не состоялась. Невозможно отменить русскую культуру в несостоявшейся культуре. Почему в несостоявшейся? Потому что мы не видим ни глобализации, ни мультикультурализма в том виде, в каком они предполагались. И «новой этики», на мой взгляд, тоже нет ни в одном из вариантов, которые мы могли бы обсудить в контексте нашей системы ценностей.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — То есть Вы, со своей стороны, культивируете культуру отмены, не признавая прежнее понимание глобализации, верно?

Т. И. ЕРОХИНА: — Культурологи хорошо знают, что главное понятие в культурологии — интерпретация. Сейчас Вы интерпретируете мои слова, в то время как я пыталась интерпретировать Вашу позицию. Культура отмены в принципе невозможна — ни по отношению к «новой этике», ни по отношению к нашей культуре. Само это понятие представляется мне абсурдным. Но если утрировать, то да, конечно.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Профессор Ирина Викторовна Малыгина, Вам слово.

И. В. МАЛЫГИНА: — Тема нашей секции сформулирована в виде вопроса, и на первый взгляд это риторический вопрос. Действительно, о каком выборе может идти речь? Конечно, мы выступаем за свое, родное. Но оказывается, что вопрос вовсе не праздный. Какая из систем готова себя защищать и делает это более эффективно?

На наших глазах схлопывается процесс глобализации в ее однополярном варианте, становятся очевидными многие феномены, до поры скрытые за так называемым дискурсом политкорректности. Очевидно, что

мы уже не увидим единого глобального мира, который нам обещали теоретики глобализации на начальном этапе (светлая память Роланду Робертсону) и который был бы способен внести свое собственное культурное и ментальное разнообразие.

Абдусалам Абдулкеримович, Вы задали вопрос о том, откуда взялась «новая этика» и связанные с ней многочисленные перверсии. В связи с этим хочу напомнить о законе иерархических компенсаций Седова, который гласит: когда сокращается разнообразие на одном уровне системы, то на другом оно нарастает. Бесконечные претензии на лидерство в глобальной конкуренции и технологические возможности Запада привели к экспансии западного типа рациональности и системы ценностей, практически никем не контролируемой и ничем не ограниченной. Из-за этого сократилось этнокультурное разнообразие — и тут же стало увеличиваться разнообразие социокультурное, гендерное и прочее. Так что, возможно, начал действовать некий компенсаторный механизм, заложенный в самой сущности культуры.

Если мы констатируем, что наступила постглобальная эпоха, и пытаемся найти точку ее отсчета, то, думаю, надо обратиться к глубинному коммуникативному кризису. Культура диалога отстраивалась начиная с Античности, и мы до последнего времени держались за идею диалога как за соломинку, которая выручала в ситуациях даже самого зыбкого равновесия. Теперь культура диалога разрушается на наших глазах. Каковы признаки этого кризиса? Я бы выделила две очевидные тенденции — просто потому, что они непосредственно касаются России. Первая тенденция — последовательное упразднение каких бы то ни было диалоговых коммуникативных стратегий и утверждение монологического диктата в качестве новой нормы межгосударственного и межкультурного общения. Это реализуется в том смысле, как о нем писал Моисей Самойлович Каган: когда сообщение, направленное адресату, превращается в монолог, оно становится эгоцентричным, авторитарным и деспотичным, поскольку не считается с тем, кому адресовано. Априори считается, что это сообщение должно быть принято к исполнению. «Монологический» тип отношений становится фактически нормой — как в смысле концептуального основания, так и с точки зрения технологических и информационных возможностей. Мир, который стал результатом цифровой революции и, казалось бы, предопределил неизбежность встречи всех дискурсов, похоже, прозрачен, но звуконепроницаем. Чем еще можно объяснить наши высказывания, адресованные оппонентам и недоброжелателям и транслируемые вроде бы по встречным направлениям, которые на самом деле движутся по каким-то параллельным тоннелям, исключаям всякую возможность «неизбежной» встречи?

Этот процесс каким-то образом регулируется, как регулируется и санкционируется и доступ к информации, и возможность ее интерпретации и трансляции. Возникло огромное количество всяких мониторингов и санкций в информационном пространстве. Например, целую страну можно отключить от платежной системы (не говоря уже о каких-то аккаунтах) и вооб-

ще выдавить из коммуникативного пространства, хотя один из мифов глобализации утверждал, что все народы и культуры интегрированы в единую сетевую коммуникацию, из которой просто невозможно выпасть, если ваш язык распознается этой паутиной. Ничего подобного. Мы видим, как сегодня Россию пытаются активно выдавить из этой коммуникации, не дать ей возможности куда-либо пробиться. При этом используются как банальные технические средства, мистификации и фальсификации, вплоть до самых примитивных, так и более сложные технологии, например символически окрашенные фигуры умолчания. Так, в 2022 году на саммите G7 Генеральный секретарь ООН на церемонии, посвященной памяти жертвам атомной бомбардировки, долго рассуждал о том, что атомная агрессия недопустима и что мир стоит на грани катастрофы, но при этом виновник ядерного взрыва в Хиросиме остался фигурой умолчания. Аббревиатура США так и не прозвучала. Этот же трюк на днях на G7 повторил Владимир Зеленский, сказав, что Бахмут — это новая Хиросима, а Россия — агрессор, дальше с трех раз угадайте, кто бомбил Хиросиму. Подобное манипулирование информацией направлено только в одну сторону. В данном случае я фиксирую переход от диалога культур к эпохе манифестации, которая не подразумевает обратной связи и не рассчитана на диалог. Поэтому сейчас бессмысленно даже пытаться искать какие-то ответы.

Однако, как заметила Татьяна Иосифовна, мы не можем быть вторичными. Наша культурная политика должна быть проактивной. Я люблю и Запад, и Восток, но больше всех я люблю Россию. Так получилось, что на сегодняшнем этапе социокультурной динамики Запад не является нашим ориентиром. Мы ему неинтересны.

Вторая тенденция тоже касается кризиса культуры диалога. Красные линии, о которых мы с вами сегодня говорили, все больше смещаются в символическую область, в сферу культуры и идентичности. Противостояние России со значительной частью мира, в центре которого оказался украинский конфликт, — это тоже борьба за идентичность. То, что сегодня называют культурой отмены и что мы видим на Украине, в Польше, в странах Прибалтики, приобретает самые чудовищные и одиозные формы. Сносят все, что символизирует русское, имперское, советское, и мы понимаем, что в данном случае это манифестация новой украинской идентичности, формируемой во многом на отрицании: «Украина не Россия», — того, что называется новым термином «украинство».

Но украинцы не могут не знать, до какой степени сакральное значение для россиян имеет образ Великой Победы. Мало того, что у нас хотят отнять саму Победу — на нее нацелена все та же культура отмены, когда разрушают и демонтируют памятники, связанные с победой в Великой Отечественной войне. И, конечно, это тоже касается идентичности.

Позволю себе предложить собственное определение культуры отмены (которая, впрочем, не имеет никаких перспектив). Это форма коммуникации, высказывания, символически окрашенный жест, целе-

направленно превращаемый в манифестацию, которая не требует ответа, но должна нас уязвить. Я всегда расстраиваюсь, когда на телевидении говорят: они расчеловечивают российского солдата, в очередной раз отменяют российскую культуру и т. д. Но такие слова нельзя даже произносить! Никто меня не расчеловечит до тех пор, пока я сама не расчеловечусь. И никто не отменит мою культуру — просто потому, что это невозможно.

И хочу закончить словами Захара Прилепина, которые процитировал один из участников конференции, только что состоявшейся в Крыму. Он сказал, что когда Запад отменяет нашу культуру, он сам себя ломает «об колено». Самый национальный композитор в США — Чайковский, а не Гершвин. Каждый год 25 декабря, в католическое Рождество, 200 американских балетных трупп ставят «Щелкунчика». Посетить театр и посмотреть этот балет в Рождество — очень престижно. А 4 июля все американские оркестры играют самое националистическое сочинение Чайковского — увертюру «1812 год» с гимном «Боже, царя храни» в финале. И так тому и быть.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Доцент Санкт-Петербургского государственного университета Елена Михайловна Гашкова, пожалуйста.

Е. М. ГАШКОВА: — Мои размышления связаны не столько с нашими теоретическими положениями, сколько с конкретными задачами. Я понимаю, что нерв жизни бьется здесь и сейчас и мы должны что-то предложить нашей молодежи, которая, как и мы в свое время в перестройку, растерянна. Одна из моих магистранток училась на совместной с Сорбонной программе «Русско-французский диалог». Год назад программа закрылась, и мы доучиваем студентов уже на базе только нашего университета. Но ведь невозможно по щелчку пальцев отменить взаимодействие людей, культур, народов. Не взаимодействуют политики, не взаимодействуют элиты, но жизнь длинная, мы видели очень много разных событий. Я, например, на четвертом курсе ездила в Югославию в составе студенческого отряда, где были представители разных факультетов. И когда в Югославии начались бомбежки, те участники нашего отряда, которые были в Санкт-Петербурге, встретились — уже довольно взрослые люди, все со степенями. Мы действительно переживали за судьбу этой страны, которую тогда просто раздирали на части. Позднее я побывала в тех местах уже с дочерью и увидела, во что превратился прекрасный город Риека, некогда оживленный порт. Его просто нет, транспортные потоки пресеклись, город деградирует. И такое же можно сделать где угодно, невзирая на мнения людей.

Поэтому культура отмены — это, конечно, механизм искажения, изменения исторической памяти. И нам надо делать все возможное, чтобы противостоять этим процессам, которые исподволь шли уже давно. Когда мы не замечаем таких фактов, как, например, преуменьшение в иностранных учебниках трагедии блокадного Ленинграда, мы не защищаем собственную культуру. Фигура умолчания тут — это указание

на бессилие. Я согласна, что это все равно что кричать в пустоту, но кто-то нас да услышит, например Китай, Арабские Эмираты, другие страны, Африка, получившая демократические и экономические свободы именно благодаря нашему участию.

Возвращаясь к студентам, хочу процитировать документ, который утвержден в качестве базового Указом Президента от 9 ноября 2022 года, — Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Пункт 5 первого раздела общих положений гласит: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопочтение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Буквально вчера Валерий Фадеев, советник президента, написал статью «Это вопрос о власти», в которой высказал следующую мысль: новую российскую идеологию пока еще рано закреплять в Конституции, поскольку мы должны ее не просто обсуждать, а каким-то образом трансформировать в сознании людей. И это самое сложное, потому что когнитивная война — это прежде всего изменение сознания. Когнитивная война уже давно идет на Украине: там другие учебники, другие кумиры, другие слова. Какие-то моменты я наблюдаю и у нашей молодежи, но тут еще не все потеряно.

Вернусь к прозвучавшей вчера мысли о том, что необходимо разрешать детям трудиться: убирать класс, сажать деревья. Мне кажется, мы воспитали поколение принцев и принцесс: у нас огромное количество санитарно-гигиенических запретов, заболеваний, препятствующих допуску к занятиям физкультурой и трудовой деятельности. И та трудовая составляющая, которая обязательно присутствовала в советской системе воспитания, должна быть восстановлена в своих элементарных функциях. Эстетическое воспитание тесно связано с трудовым, экологическим и патриотическим. Я всегда вспоминаю, что перчатки для работы мы привозили детям из Финляндии, у нас их не производили. У нас нет даже комбинезонов для занятий хозяйственными делами. Внуки моей подруги, живущей в Финляндии, попросили себе строительные комбинезоны, как у папы, и очень гордились, что могут теперь, как и он, ремонтировать свои самокаты в специальной одежде. Я думаю, неплохо было бы нам перенять уважение к труду, присущее протестантской этике.

Мой последний тезис связан с обществом потребления, которое уход брендов воспринимает как трагедию. В одном исследовании приводится высказывание 49-летнего мужчины: «Бренд — это и мое лицо тоже, поэтому важно, чтобы ценности бренда совпадали с моими». Книге Бодрийера «Общество потребления» уже 50 лет. Мы еще не до конца эмоционально включились в эту среду, хотя то, что нас подсадили на

потребление, несомненно. И противопоставлять этому гедонистическому раю необходимо совсем другие ценности, о которых сегодня говорили мои коллеги.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается Елена Владимировна Харитоновна, старший научный сотрудник Института Африки РАН.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я вкратце изложу то, что осталось за рамками моего доклада. Он касался того, почему в Африке на базе традиционных африканских ценностей не приживаются протестантская этика и ценности капитализма и почему африканцы ищут свой путь, собственную модификацию капиталистической модели развития. На мой взгляд, ошибка заключается в некой концептуальной определенности, связанной с тем, что мы, с одной стороны, строим капитализм, следуя провозглашенному в начале перестройки лозунгу «Обогащайтесь!», а с другой — пытаемся работать с Африкой, исходя из того, что мы являемся правопреемниками Советского Союза и руководствуемся принципами справедливости.

Многополярный мир, который мы пытаемся построить, это не что-то формальное, что можно объявить законодательно. Многополярный мир представляет собой систему центров притяжения. Чем же будет притягивать наш полюс то незападное большинство и те незападные государства, на которые мы рассчитываем при построении нового мирового порядка? Глобальный Юг, который мы пытаемся объединить в этом альтернативном полюсе, имеет острый запрос на справедливость. Там помнят, что СССР деколонизировал Африку, содействовал национально-освободительным движениям во всем мире, строил свою деятельность именно на принципах справедливости и создавал привлекательную модель будущего, в которой нет места эксплуатации, стяжательству, дискриминации, разделению мира на метрополию и периферию, вынужденную рабски работать на элиту — англосаксонскую, атлантическую, как ее ни назови. И именно это позволило тогда создать мощную альтернативу Западу, которая называлась социалистической системой.

Я хочу сказать, что, пока мы продолжаем заниматься коммерцией и одновременно пытаемся привлекать людей, для которых декларируем справедливость, у нас ничего не получится. Мы не станем тем центром притяжения, который будет привлекать к себе естественным образом — не силой, не плетками и кнутами и не какими-то мифическими пряниками, а так, чтобы люди сами объединялись вокруг идеи, которая соответствует их ценностям и внутренним запросам. У нас же духовное выше материального, общее выше частного, мы, как и Африка, относимся к коллективистской культуре, но у нас другой тип деловой культуры и этики. Справедливость в нашем внутреннем культурном коде стоит выше закона, управление — выше собственности, именно управление, а не манипулирование, которым часто подменяется система управления. Из нашей истории мы знаем образцовые примеры успешного управления.

Сегодня много говорилось о препятствиях для создания многополярного мира. Этими препятствиями могут стать, во-первых, ложные ценности, которые декларирует Запад: фейковая демократия, которая превращается в карго-культ, провозглашение прав человека на словах, а на деле — бесправие, трансгуманизм и прочее, во-вторых, доминирование доллара и, в-третьих, наличие оружия, посредством которого пытаются решать очень многие вопросы. Я процитирую строки Хилэра Беллока, написанные в связи с подавлением восстания в Африке:

На каждый вопрос есть четкий ответ:
У нас есть «максим», у них его нет.

Если сказать немного по-другому, есть три концептуальных блока мирового влияния. Первый — когда уничтожаются, вплоть до физического устранения, носители знаний и книги. Второй — финансово-экономический, когда единый центр управления контролирует эмиссионные центры валют, при помощи различного рода некоммерческих организаций финансирует оппозиции и «цветные революции» и таким образом разрушает страну, как было, например, с Ливией и Зимбабве. Третий блок — силовой: отрезать от технологий, уничтожить их физически. Эти блоки являются конкурентным преимуществом любого цивилизационного культурного проекта. Если мы сильны во всех трех, то сможем стать притягательным полюсом. Потому что к сильному лидеру, как правило, тянутся. Очень многие в мире сейчас готовы нас поддержать, но затаив дыхание следят за исходом битвы. Поэтому, чтобы стать центром притяжения и тем самым полюсом, мы должны быть сильными.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Слово предоставляется Светлане Борисовне Никоновой, профессору кафедры философии и культурологии нашего Университета.

С. Б. НИКОНОВА: — Говоря о том, что происходит в современном мире, в частности в области возникновения «новой этики», мне бы хотелось рассмотреть логику с двух точек зрения. С одной стороны, призвать к тому, чтобы логическим образом посмотреть на ситуацию, то есть не только давать какие-то эмоциональные ассоциации, связанные с нашими предпочтениями, ценностями и тому подобным, а именно беспристрастно делать логические выводы. А с другой стороны, предостеречь от опасностей, к которым может привести следование логике не в плане построения мышления, а в плане развития явлений. Мне бы хотелось сказать о ценностях, но не о тех, которые мы все время называем традиционными, хотя до сих пор не можем их определить. Сейчас речь о ценностях западных, о ценностях культуры так называемого модерна и постмодерна и о том, что в современном мире происходит, потому что эти процессы взаимосвязаны.

Один современный французский философ консервативного толка суммировал ценности современной западной культуры, выражаемые в «новой этике», четырьмя словами: обмен, смешение, многообразие и изменение. Обмен предполагает и конкуренцию, и сво-

бодную торговлю, и инклюзию. Смешение подразумевает равенство — гендерное, расовое и т. п. Многообразие — это признание разных способов жизни и культур (сюда же можно включить и ту самую многополярность, о которой мы говорим). А изменение — это прогресс, развитие науки, склонность к инновациям, вообще обращенность в будущее. Я бы определила эти четыре понятия следующим образом: обмен — это свобода, смешение — это равенство, многообразие — это братство, а изменение — это то, что ведет к революционному преобразованию на основе этих тезисов.

Еще в XIX веке политик и философ Алексис де Токвиль отмечал противоречие между свободой и равенством при демократической организации общества. И сегодня уже очевидно, что утверждение абсолютного многообразия ведет к абсолютной неразличимости. То есть в пределе логического развития мы получаем из одной ценности совершенно другую — ее полную противоположность. Но, пока мы еще не достигли предела, мы можем признать, что этот проект является в высшей степени продуктивным. В конце концов, общество, которое признает права человека, множественность культур, разнообразие, диалогизм, которое гуманистично и обеспечивает социальную защиту, построено именно на ценностях модерна. Традиционное общество предполагает некую онтологичность, иерархию, которая основывается вовсе не на правах человека. То есть в ней нет ценности ни человека как индивида, ни вида, ни социума, а есть некая онтологическая иерархия — скажем, Бог, который говорит нам, как все следует устроить. А антропологический проект предлагает каждому индивиду самостоятельно выбирать, каким образом жить. Из этого логически следует эмансипация разных, прежде угнетенных слоев общества: женщин, сексуальных и прочих меньшинств, других рас. Это признание равных прав на основе рациональности. Разные мыслители выводят его из монотеизма — равенства всех перед Богом, или из христианства, поскольку Царство Божие внутри нас и внутренний порыв веры важнее внешней обрядовой структуры. То есть уже здесь заложено движение к гуманистичному обществу.

Однако некая внутренняя логика при совмещении ценностей свободы и равенства ведет к противоречиям, которые проявляются в современном мире. Если посмотреть на гендерный вопрос, то женская эмансипация — это в первую очередь признание права женщины быть такой же, как мужчина, и осуществлять ту же самую деятельность. Если женщина получала такую возможность, онтологическая иерархия говорила, что это отклонение от нормы. При эмансипации оказывается, что женщина становится свободным субъектом, таким же самостоятельным человеком, как мужчина. Это изначальный акт эмансипации, за которым следует множество разных модификаций, но в любом случае получается, что женщина приравнивается к мужчине. То же и с эмансипацией других групп: получается, что угнетенные народы приравниваются к европейцам, меньшинства — к традиционному большинству. Это означает, что в данной системе один из способов жизни все-таки оказывается доминирующим. И если учесть,

что именно европейцы дали всему миру эту систему ценностей, то в любом случае, утверждая эту систему равенства, они тем самым выражают свое доминирование. То есть получается, что даже если у всех равные права, то тот, кто предоставляет их, все равно оказывается в привилегированном положении.

Поэтому женская эмансипация, например, движется дальше — в сторону признания уже не просто равенства женщин с мужчинами, а равных возможностей для существования двух совершенно разных полов, без доминирования одного из них. Но на каком основании можно говорить об этом равенстве? На индивидуальном. То есть женщина, которая для себя решает, будет ли она заниматься мужской деятельностью, хочет ли исполнять ту или иную роль в обществе, делает самостоятельный выбор. Но если это ее индивидуальный выбор, то почему у нас только два пола? Их может быть пять, десять, двадцать — да сколько угодно. В конечном счете индивидуализированных желаний будет ровно столько, сколько индивидов. Каждый индивид представляет свой пол, свою расу, свое вообще все что угодно. Это происходит при доведении логики до предела.

Или, например, возьмем проблему толерантности. Толерантным можно быть ко всем проявлениям жизни. Но можно ли быть толерантным к тому, кто сам нетолерантен? Если следовать этой системе ценностей, получается, что мы не можем быть толерантными к нетолерантным, а значит, их нужно «отменить». Признавать можно только тех, кто сам включен в эту систему. И это является логической проблемой. Она уже давно назрела, но пока никто не знает, как ее решить. Либерализм с его толерантностью становится крайне репрессивной идеологией.

Еще одна проблема — это доминирующая позиция культуры, которая дает собственно толерантность. В ситуации, когда нужно признать абсолютно индивидуальное равенство и многообразие всех (а равенство и многообразие уже сами по себе противоречат друг другу), мы сталкиваемся с культурой отмены, которая мне представляется слабой и безрезультатной попыткой сделать что-либо с абсолютным доминированием западной культуры, которая эти ценности ввела. Культура отмены направлена в первую очередь против западной культуры. Но, будучи сама продуктом западной культуры, она в еще большей мере утверждает ее доминирование и ее же отменяет. Мы снова сталкиваемся с логическим противоречием.

В конце XX века западные мыслители высказывали идеи, каким образом это преодолеть. Они предлагали отойти от логики в сторону чувств, но все эти проекты оказались утопическими, поскольку человек всегда следует логике. В данном случае мне остается закончить риторической фигурой Анаксимандра, который объяснял, как формируются миры: сначала элементы стремятся из хаоса к полному разделению, а после — обратно. Миры создаются на промежуточной стадии, когда все уже начало смешиваться, но еще не смешалось полностью, или уже стало разделяться, но еще не полностью разделилось. Поэтому давайте не будем доводить логику до предела, потому что иначе получим

абсурд, а вернемся к знаменитому тезису Юргена Хабермаса о том, что модерн — это незавершенный проект и, как проект продуктивный, он может дать нам множество замечательных общественных установлений, если мы не станем доводить их до абсурда.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мне кажется, наша дискуссия в теоретическом плане является очень насыщенной и плодотворной. Одна эта мысль чего стоит: «все, что нас так возмущает, возникло из той же логики, которой мы следовали». Гуманизм, равенство, братство — развивайте эти идеи до конца и получите бесконечное количество полов. Доведите до предела идею свободы личности — и ребенок сам будет выбирать себе имя, отчество, фамилию и т. п. Я бы сказал, такая игра ума является очень важной и оздоравливающей процедурой.

И, конечно, очень интересно, каким образом мы вдруг пришли к разговору о противостоянии и борьбе культур, хотя на протяжении ряда лет на Лихачевских чтениях обсуждали диалог культур, думали, как идти друг другу навстречу, разговаривать между собой. Неужели мы были абсолютно неправы, когда говорили о диалоге культур, а сейчас прозрели? Или же, наоборот, оступили? Нам нужно это осмыслить.

Слово предоставляется Якову Георгиевичу Шемякину, главному научному сотруднику Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Обсуждения на пленарном заседании и панельной дискуссии выявили необходимость переосмыслить соотношение понятий «конфликт» и «диалог», особенно учитывая традиционно центральную роль диалогической проблематики в работе Лихачевских чтений. В конфликтологии существует множество интерпретаций феномена конфликта. Попытка обобщить как собственный исследовательский опыт, так и результаты работы коллег привела меня к выводу, что, не отрицая иные варианты классификации, можно выделить две принципиально отличающиеся разновидности данного феномена: конфликт интересов и конфликт ценностей. В основе конфликта интересов всегда лежит борьба за ресурсы (материальные и людские) и контроль над той или иной территорией. Конфликт ценностей — это столкновение принципиально различных подходов к миру и жизни, путей разрешения основных противоречий человеческого существования: между мирским и сакральным измерениями жизни, человеком и природой, индивидом и обществом, традиционной и инновационной ипостасями целостности культуры. Разумеется, эти два вида конфликтов в реальной жизни тесно связаны. За красивыми фразами о защите основополагающих ценностей часто скрываются вполне конкретные материальные интересы. Тем не менее есть существенная разница.

Как показывает история, конфликт ценностей наиболее труднопреодолим. При конфликте ценностей гораздо большее значение имеют иррациональные факторы, побуждающие людей во многих случаях действовать вопреки собственным интересам, включая мате-

риальные. И. С. Семененко высказала в связи с этим интересное предположение: «Основным вектором урегулирования, реализуемым в конкретных политических решениях, является перевод конфликта из плоскости столкновения идентичностей в плоскость противостояния интересов». Это позволяет открыть путь «рационализации решений», хотя возможна альтернатива, когда столкновение интересов обостряет конфликт идентичностей. Поэтому, по мнению И. С. Семененко, в контексте долгосрочного урегулирования, помимо социальной политики государства, не менее важно искать адекватные пути учета ценностных запросов и нематериальных, в том числе символических, требований, артикулируемых противостоящими сторонами под флагом борьбы за идентичность.

Хотя с уважаемой коллегой можно во многом согласиться, считаю необходимым сделать важную оговорку. Предлагаемый в качестве основного пути решения коллизий межкультурного взаимодействия перевод конфликта идентичностей (то есть ценностей) в плоскость конфликта интересов возможен, как правило, лишь в том случае, если люди будут руководствоваться рациональными соображениями. Однако при столкновении качественно различных образов жизни, противоположных ценностных ориентаций для диалога чаще всего остается очень мало места. И совершенно справедливо подчеркиваемая И. С. Семененко принципиальная важность учета ценностных запросов означает настоятельную необходимость учета иррациональных факторов.

По моему убеждению, единственно возможный путь если не преодоления, то смягчения конфликта ценностей — реализация на практике принципов «диалогичности» М. М. Бахтина. Обращаю внимание на принципиально важный аспект: диалогическое общение в понимании Бахтина не исключает конфликт, более того, бесконфликтность убивает диалог, «активное согласие–несогласие... стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения». То есть конфликт, даже принципиальный, может создавать творческую атмосферу, способствующую развертыванию диалога и взаимопониманию его участников. Однако такую позитивную роль конфликт может сыграть лишь в том случае, если будет преодолена тенденция к монологизации, то есть превращению диалога в собственную противоположность. Как писал М. М. Бахтин: «Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) другой всецело остается только объектом сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность».

Тенденция к монологизации диалога с наибольшей силой проявилась в западном цивилизационном

сознании, достигнув максимума в наши дни. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть следующее обстоятельство. Проводя курс на «отмену русской культуры» и разрушение российской цивилизации как автономного социокультурного субъекта, коллективный Запад провоцирует нас на монологический ответ на собственный агрессивный монолог. По-моему, это искушение, которое необходимо преодолеть: хотим мы того или нет, западная традиция стала неотъемлемой составной частью социально-генетического кода нашей цивилизации. Запад в нашей истории предстает в двух ипостасях: как внешняя сила и как внутренний фактор развития российско-евразийской цивилизации, один из участников того многостороннего взаимодействия различных начал и традиций, которое составляет ее идентификационный стержень. Поэтому, по моему убеждению, мы, вопреки попыткам отсечь нас от европейского культурного наследия, должны продолжать диалог как с носителями подлинной западной традиции, отстаивающими ценности, условно называемые сегодня традиционными, так и с западным началом в собственных душах.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Слово предоставляется профессору Сергею Сергеевичу Пронину, Заслуженному деятелю искусств Республики Карелия.

С. С. ПРОНИН: — Еще Н. А. Бердяев сто лет назад утверждал, что совершился переход культуры в цивилизацию. Сегодня мы переживаем глобальные перемены, и они в большей степени коснулись людей зрелого возраста, а молодое поколение сейчас находится в шоковом состоянии, способствующем принятию неправильных или необдуманных решений. И надо признать, что и культура сделала немало для того, чтобы мы оказались в этой ситуации.

Так, театральная сфера за последние 20 лет подверглась существенным изменениям. Влияние постдраматического театра на нашу культуру оказалось весьма существенным, были сделаны очень серьезные прививки. Это коснулось и сферы профессионального образования, и режиссуры, и актерского воспитания, и драматургии. Все это в результате привело к созданию ситуации, которую я бы обозначил как нулевую. Сегодня в Российской Федерации более 600 государственных театров, и многие из них не знают, что им ставить, говорить и транслировать. Спасательным кругом, как всегда, является наша классика. Но до каких пор мы будем выезжать на ней? Понятно, что эта ситуация должна как-то разрешиться. Объясню, почему я выбрал тему «Национальный театр России». В последние годы серьезное воздействие на наши умы оказали не только глобальная идея и глобальная экономика, но и наша внутренняя политика. Мы сегодня говорим: «русское, русское, русское». Однако применительно к современной действительности правильнее употреблять слово «российское». Наша культура многонациональна, у нас огромное количество национальных объединений и театров, которые говорят на национальных языках. Но наша националь-

ная культура, к сожалению, в последнее время испытала очень сильный шок, сейчас, я бы так сказал, его вторичный толчок. Первичный — это та моральная деградация, за которую несет ответственность английский язык. Но мы тоже несем ответственность за деградацию наших национальных культур, потому что глобализация оказала влияние на умы нашей молодежи и остального населения, воздействовав на мышление, напрямую связанное с языком. Я знаю статистику потерь, которые понесли от этого национальные республики. Молодежь массово отказывается от национальных языков, от родной культуры, утверждая, что это все уже прошлый век, никто не будет говорить на национальном языке, он никому не нужен, и театр этот не нужен, и литература эта не нужна, и песни эти не нужны, давайте нам «Евровидение». Но все мы дети своей малой Родины, и пока будут сильны национальные культуры, будет крепок весь российский народ. Об этом не надо забывать, и в противовес тому, что происходит сегодня в мире, нужно уделить повышенное внимание национальному вопросу.

20 лет назад под призывы к восстановлению национальной справедливости возникла идея создания Театра наций в Москве, однако он так и не был создан. Театр наций в Москве возглавляет господин Миронов, и никакого национального театра там нет. И национальных фестивалей в Москве тоже очень долго не было, а созданная сегодня Ассоциация национальных театров России объединяет лишь некоторые из них и не имеет никакого отношения к остальным. Поэтому нам пора серьезно задуматься вот о чем. Чтобы бороться с глобализацией и отстаивать Россию и все свое национальное, нужно направить самое пристальное внимание в глубь страны.

Спасибо правительству, Государственной Думе, нашему президенту — сегодня наконец приняты законы, которые устанавливают необходимость вовлечь в широкую активность детей, и теперь в каждой школе будут создаваться драматические кружки, потому что поняли, что с русским языком тоже дело плохо, надо уже и через любительские формы театра восстанавливать эту структуру. Нужно вернуть детям театры, которые предназначены для них, потому что сегодня большое количество детских театров ориентировано на взрослых. Это очень широкое движение, и оно приобрело постмодернистский характер, когда детям в рамках формального театра показывают многие вещи, которые просто недопустимы. Поэтому, если театр является носителем нравственного начала, мы должны сделать все для того, чтобы он отстаивал наши интересы.

Сегодня мы должны понимать: у любого национального театра, являющегося государственным учреждением, есть документ, в котором прописана его миссия — сохранение национальной культуры и языка. И если мы хотим сохраниться как нация и определяем для себя, что миссия культуры — это нравственность, то все будет хорошо, что-то в нашей стране изменится к лучшему. И от триединства язык–религия–культура нам никуда не деться. А вот кто будет заниматься языком, религией и культурой — это большой вопрос.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Сергей Сергеевич, у меня вопрос. Многие любимые публикой артисты уехали из страны, например Чулпан Хаматова. Как Вы думаете, какой будет их творческая судьба за рубежом?

С. С. ПРОНИН: — Я вам приведу такой пример. В прошлом году я выпустил актерский курс, на котором учились только студенты-иностранцы, финны. Так как я свободно владею языком, мы с ними прекрасно занимались. Когда случились известные события, половина этих студентов, собрав чемоданы, отправились домой. А прочие все же окончили курс, получили наши российские дипломы, а после уже вернулись к себе на родину. Но двое остались и работают в наших театрах, не хотя уезжать. То ли я на это повлиял, то ли Россия такая прекрасная — не знаю. Что касается Хаматовой, то у тех моих студентов, которые сразу уехали, имелись на то основания: они очень четко себе представляли, что может начаться война, и хотели быть с близкими, родителями, да и просто остаться на Родине. Их позиция, мне кажется гораздо более достойной уважения, чем та, которую заняли те наши люди, что уезжают из России. Их что, как в 1937 году, к стенке поставят? Не поставят. Им не дают работать? Нет. Поэтому, на мой взгляд, творческая судьба у таких людей, даже если это видные деятели культуры и искусства, за рубежом вряд ли сложится. И я надеюсь, это многих отрезвит. Я всю жизнь работаю с языками и понимаю, что без родной речи у людей, особенно тех, кто работает в театре, кино, ничего не получится. Общность языка — это самое главное для человека, без нее нет чувства Родины. И ничего с этим не поделаешь — так уж мы устроены. Я искренне верю в то, что Вавилонскую башню нельзя разрушать. Пусть она стоит и все говорят на своих языках.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Я тоже вставлю слово в качестве оправдания и внесу позитивную ноту. Во-первых, 5 июня состоится выездное заседание Комитета Государственной Думы по культуре в Казани. Темой встречи будет этнокультурное разнообразие и его роль в развитии России. Во-вторых, за последние годы нам удалось отреставрировать, отремонтировать все театры юного зрителя и даже построить новые здания. Мы их модернизировали, оснастили новым оборудованием. У нас работает национальный проект «Культура», по которому мы начали строительство, реставрацию и реконструкцию домов культуры в небольших населенных пунктах — там, где, собственно, и сохраняется коренная народная культура. То есть государство приложило реальные усилия для сохранения национальной культуры.

Что касается нормативно-законодательной базы, то Россия — единственная страна в мире, где есть закон о национальной культурной автономии, и он действует, по нему выделяются бюджетные средства, чтобы в рамках национальных объединений, республик, краев, областей возможность культурного развития получала не только титульная нация, но и те, кто составляет меньшинства, а также диаспоры. Финансируются и дома национальностей — там, где существу-

ют национальные культурные автономии. Такие дома национальностей есть и в Петербурге, и в Москве. А в Мурманске, например, имеется очень мощная украинская национально-культурная автономия. Из таких автономий, кстати, ни одна не закрылась, все до сих пор работают.

И третье. Абсолютно согласна с Сергеем Сергеевичем: сегодня у нас наблюдается кризис смысловой драматургии. Лет 20 назад, когда я только начинала работу в парламенте, мы провели собрание главных режиссеров театров и спросили: «Почему вы занялись коверканием классики? Если хотите сказать актуальное слово о сегодняшнем дне — ставьте современную драматургию». На что нам было сказано: «Современной драматургии нет». Марк Захаров признался: «Мы не знаем, что ставить». Тогда в Доме кино в Москве собрали сценаристов и драматургов: «Ну что же вы такую дрянь пишете, которую ставить невозможно?» На что те ответили: «Ну, во-первых, люди выбирают дрянь. А во-вторых, мы не понимаем, что хорошо, а что плохо. Пусть философы соберутся и скажут нам, кто сегодня положительный герой, а кто отрицательный. Тогда мы все напишем».

Я считаю, что если сегодня и искать крайнего, то не где-то, а в нашей творческой среде. Крайние — это мы с вами. В Союзе театральных деятелей, в Союзе кинематографистов, в Союзе художников должны честно, посмотрев друг другу в глаза, начать такую же дискуссию, которая сегодня происходит в нашей научной среде. Необходимо договориться: что хорошо, а что плохо. Чтобы не грантодатели отбирали для нас лучшие образцы и решали, что поддерживать сегодня в России, а мы сами, художественная интеллигенция. Именно мы, как среда профессионалов, отвечаем за то, что происходит. Когда мы обнаружили, что в национальном кинематографе есть оборудование, аппаратура и технологии, но нет сценариев, Министерство культуры сделало неожиданный шаг — оно наняло сценаристов. И сегодня каждый литературный труженик может написать заявку на сценарий, и если она покажется интересной, его возьмут в штат с зарплатой 150 тыс. рублей в месяц, и он начнет писать сценарий. Сначала сдает первый вариант, с ним работают редакторы, тоже нанятые Министерством культуры, потом второй вариант, и так до тех пор, пока сценарий не примет какие-то качественные формы. И только после этого, если специальная комиссия Фонда кино сочтет готовый сценарий подходящим для реализации, по нему будут снимать фильм. То есть мы вынуждены административными, финансовыми мерами выращивать себе новую сценарную, художественную элиту. Почему? Потому что на протяжении многих лет у нас была порочная система образования. На творческие специальности принимали только людей без высшего образования, выпускников средних школ. Когда лет шесть назад я пришла во ВГИК и передо мной сидело наше отделение сценари-

стов, это были девочки 18–19 лет. О чем они могли написать? Какой у них жизненный опыт? И мы, кинематографисты, много лет объясняли это, добивались перемен, а нам говорили: «Как это — одни будут иметь два высших образования бесплатно, а другие — только одно? Это не конституционно». Но мы дошли до президента, и В. В. Путин во ВГИКе пообещал, что будет возможность получать второе высшее образование по творческим специальностям бесплатно.

И вот уже третий год у нас есть такое право, хотя и не у всех вузов, а только у государственных, и не на весь курс, а лишь на определенную квоту, против чего мы, депутаты, тоже выступаем. И все же мы добились того, что талантливые люди могут участвовать в общем конкурсе и бесплатно получать второе высшее образование. Это то, что мы реально предпринимаем. Но никакая власть, никакой князь Красно Солнышко не сможет тронуть душу творца, если той у него нет. Поэтому пламенный призыв ко всем, кто занимается творчеством. Во-первых, слышать и слушать свой народ. В баре Дома кино жизнь изучать бессмысленно. Второе — слышать и слушать время. А оно говорит на таких конференциях, как наша. Это время бурлит и задает вопросы, ответов на которые пока еще никто не знает.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Елена Григорьевна. Ваше выступление вполне можно считать подведением итогов работы нашей секции. На мой взгляд, состоялся очень интересный разговор. И даже когда мы будто бы ушли в сторону, затронув темы театра и драматургии, эти вопросы тоже оказались в центре нашей дискуссии. Ведь на самом деле, говоря о диалоге культур, мы имели в виду, что в таковой вступают люди, принадлежащие к той или иной культуре, и вступают они в диалог по поводу тех проблем, которые их волнуют. В диалог культур можно выносить любой вопрос, кроме вопроса о ценности самой культуры, к которой принадлежит человек. Теперь Богом или историей мы поставлены в такую ситуацию, когда речь идет о национальной культуре. Ведь культура имеет свою национальную форму, нет культуры вообще, как нет человека вообще, каждый из нас принадлежит к той или иной культуре. Жозеф де Местр говорил: «Я видел немцев, я видел французов, русских. Господин Монтескье рассказал о том, что даже есть персы. А кто такой человек вообще, я не знаю, никогда его не встречал». И когда мы говорили о диалоге, речь шла о содержании культур, о том, где они пересекаются, а теперь мы ставим вопрос о форме культуры, о самом ее бытии, и это, конечно, переводит нас в другую плоскость, дает другую сумму понятий и требует других обобщений.

Благодарю всех участников дискуссии и хочу пожелать нам новых плодотворных встреч на Лихачевских чтениях.